

Вет. Ленинград, 1984, Фанр., № 23.

АДСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ВЕСНА

ОБРАЩЕНИЕ к глубинным пластам народного искусства никогда не было для Гаврилина ни данью моде, ни проходящим увлечением — оно выросло из впечатлений детских лет. Впрочем, предоставим слово самому композитору:

В. ГАВРИЛИН: Вырос я в деревне на Вологодчине. Какие там прекрасные люди! Сильные характером, умные, добрые, люди высокой духовности, нравственной цельности и чистоты, я бы сказал — нравственно деятельные. Рассказать о них, об их труде, радостях и невзгодах, об их жизненных судьбах, закрепить богатство их внутренней жизни в богатстве оттенков, доступных музыке, — вот задача для композитора, вот мой долг перед людьми...

Детство Гаврилина пришлось на трудные военные и послевоенные годы. В деревне, где он жил, мужчин почти не осталось. Он рос в окружении женщин, и образ русской матери, сестры, невесты до сих пор едва ли не главная тема его творчества. Песни, которые стали его первым музыкальным впечатлением, он также слышал из женских уст.

Позже, в годы учебы в Ленинградской консерватории, он охотно ездил с экспедициями фольклористов.

В. ГАВРИЛИН: Народную песню надо слушать, как говорит-ся, «ушами сердца». И лучше всего — не на концертах. Песня — это дерево: хороша на родной почве, в привычном окружении. Мне надо видеть, как люди поют, как держатся, мне надо вжиться в их жизнь, тогда и начинает проступать истинный смысл песни, ее душа...

Композитору интересно все, что поется, — от самых незамысловатых песенок, что голосят под гитарный перебор подростки, до сложного, веками шлифованного свадебного обряда. Этот неиссякаемый источник родной, народной музыки и есть та живая вода, что питает его творчество.

Не раз отмечалось, что для языка композитора характерен сплав разных пластов — песни крестьянской и городской, старинной и современной. Есть в нем и такое неожиданное вкрапление, как «жестокый романс».

В. ГАВРИЛИН: Было это лет двадцать назад. Фольклорная наша группа забрела в далекую северную деревню. Собрались женщины, пожилые, с натруженными руками, спели нам сначала деревенскую «классику» — песни протяжные хороводные, трудовые, а потом загляли «самую свою любимую». Вслушался я и ахнул: «Сижу, на рояле играю, огна, и бледна, и тиха...». Этот чувственный, с надрывом романс, невеста как и когда полавши в глухой лесной угол,

нашел, стало быть, отклик в душах, ответил потребности в прекрасном, в мечте...

Отголоски «жестокого романса» слышны в «Русской тетради», в «Вечерке» и других сочинениях.

Гаврилин идет по пути симфонизации песни. В его локально-симфонических поэмах доверенная человеческому голосу мелодия раскрывает чувства и переживания героев, а оркестровое сопровождение присутствует окружающий мир — проростор родных полей и топот скачущего коня, жестокий гул войны и мирный утренный пейзаж. Порой голос звучит без сопровождения, в первозданной выразительности и чистоте.

— МАСТЕРА ИСКУССТВ РАССКАЗЫВАЮТ —

Слушая сердцем

Сегодня в Большом зале Филармонии имени Д. Д. Шостаковича звучит новое сочинение — «симфония-действие» «Перезвоны». Предлагаем вашему вниманию беседу кандидата искусствоведения Н. Корыхаловой с автором — ленинградским композитором заслуженным деятелем искусств РСФСР, лауреатом Государственной премии РСФСР, лауреатом премии Ленинского комсомола Валерием Александровичем ГАВРИЛИНЫМ.

те. Так написаны «Свадьба» и особенно «Военные письма».

В музыке большого эмоционального накала (на стихи А. Шулгинной) воссоздана героическая и суровая пора Великой Отечественной войны. Отдельные листки писем-песен: вот «крупным планом» — скорбный причет героини, звучащий без сопровождения, и вдруг — внезапная «врезка» звонких детских голосов; вот раздумчивая солдатская песня, выпеваемая одиноким мужским голосом, и сразу вслед за нею — развсврутая панорама оркестровой сцены.

В. ГАВРИЛИН: Слово и звук в музыке должны быть связаны очень тесно. Так, чтобы никакого другого слова или звука вместо вот этого, единственного, нельзя было подставить. При этом стих должен впечатлять и без музыки, а песня, звучащая на незнакомом языке, не терять своей выразительности и красоты, — как в народном искусстве, где текст и мелодия нередко рождаются одновременно...

В «Перезвонах» мастерство хорового письма — высочайшей пробы. Звучит затейливый

инструментальный наигрыш, раздастся колокольный звон, слышатся окрик возницы, разбойничьи посвисты, шорохи в ночном лесу. И все это богатство звуковых красок воспроизводится человеческими голосами — хором, поющим почти без сопровождения.

Слушая «Перезвоны», ощущаешь почтенную связь сочинения с традициями русского искусства, многомерность жизненных и художественных ассоциаций. Одной из «заквасок», возбуждавших воображение композитора, было творчество В. Шукшина (подзаголовок — «По прочтении Шукшина» прямо указывает на это). «Органическое, сыновнее чувство Родины — драгоценное свойство этой музыки, ее сердцевина... Живая, современная музыка глубоко народно складана и, самое главное, — современного мироощущения, рожденного здесь, — на наших просторах», — так высказался о сочинении композитор Г. Свиридов.

Союз музыки со словом при-

ближает ее к слушателю. А еще более зримой, доступной делает ее связь с действием. Гаврилин много писал для театра, работал с З. Корогодским в ТЮЗе («После казни прошу...»), с Г. Товстоноговым в Большом драматическом («Три мешка сеной пшеницы»), в Театре имени Е. Вахтангова с М. Ульяновым — постановщиком и исполнителем заглавной роли в «Степане Разине». Музыка встала в спектакль, помогая раскрывать замысел драматурга и режиссера.

В. ГАВРИЛИН: Театр много мне дал, научил мыслить драматургически. Многие мои сочинения построены по законам сценического действия, их можно было бы разыграть, в них есть сюжетный стержень. Работы для театра нередко отрываются потом от спектакля, превращаются в самостоятельное произведение...

Мои крупные вокально-симфонические сочинения — нечто вроде несостоявшихся опер...

Композитор давно шел к опере. Брался за разные сюжеты — пробовал гоголевские «Ревизор» и «Шинель», но вскоре от них отказался. Сейчас им завершены две оперы — «Повесть о скрипаче Ванюше» по рассказам Глеба Успенского и «Моряк и рябина» на собственное либретто — сочинения интересные, во многих отношениях новаторские.

Музыка Гаврилина сильна высокой духовностью, нравственной чистотой, реалистической направленностью. А главное — она подлинно демократична.

В. ГАВРИЛИН: Я постоянно ощущаю свой долг перед слушателями. Глубоко верю в их художественную интуицию, в то, что каждое произведение искусства, независимо от его сложности, оценивается ими по достоинству. Музыка должна нести положительный нравственный заряд и, отвечая самым высоким художественным критериям, быть вместе с тем доступной. Нельзя рассчитывать на нетребовательность некоторой части аудитории, но неверно также ссылаться на то, что данное сочинение поймут-де когда-нибудь потом. Музыка должна находить своего слушателя сегодня, сейчас...

Ярко-талантливая, умная и добрая музыка Валерия Гаврилина своего слушателя нашла. Обращенная к самой широкой аудитории, покоряющая богатством мелодий, своеобразием и свежестью стиля, подлинностью чувства, органичной связью с народным искусством, она идет прямо от сердца к сердцу.

Н. КОРЫХАЛОВА,
кандидат искусствоведения